

новозаветную тему). В новых литературах, в том числе и в русской, центон стал родом литературной игры.³¹

Кондратович, живший в мире понятий школьной поэтики, сам составил свой центон, лишь опираясь на Радау. Дело в том, что в указанном месте учебника польского автора никаких стихов нет, там лишь приведены сентенции античных и христианских авторов о дружбе, которые можно использовать для рассуждения по этому предмету.³² Расположив сентенции для создания связного текста по-своему, Кондратович перевел их с латыни стихами, причем довольно верно.³³ Точно так же он поступил и с небольшим рассказом Радау о польском короле Сигизмунде III: он просто передал его своими неказистыми стихами.³⁴

Кондратович оказался довольно своеобразным интерпретатором польской поэзии. Безусловно, он ее знал и читал, причем как поэзию признанных авторитетов (Сарбевский), так и популярную сатирическую литературу, но переводом в точном смысле слова можно назвать только четверостишие Братковского, которое оказалось первым переводом из польской поэзии, появившимся в русской печати. Остальные его стихотворные тексты с отсылками к польской письменности — псевдопереводы, в лучшем случае вариации на тему прочитанного.³⁵ Перевод прозаического иноязычного текста в русские стихи (а это обычный прием Кондратовича) издавна считался школьным упражнением для овладения стилем.³⁶ Кондратович так и не вышел в чтении за рамки школьного канона, а в своем творчестве — за рамки школьной поэтики, а потому и не смог сделать польскую поэзию фактом современной ему русской литературы.

³¹ Ср.: «роль „центонов“ как важной линии литературного творчества столь же симптоматична для раннего средневековья, сколь немыслима для нового времени» (Аверинцев С. С. Поэтика ранневизантийской литературы. М., 1977. С. 253). Тем не менее в школьной практике XVIII в. центон еще рассматривался в своем классическом виде, ср. стихотворение о воскресении Иисуса Христа, составленное из стихов «Энеиды» Вергилия, из поэтики 1714–1716 гг. виленской иезуитской школы: *Lewin P.* O centonie i rytmie — dwie ciekawostki z poetyki szkolnej pocz. XVIII w. // *Meander*. 1975. № 4. S. 187.

³² См.: *Radau M.* Orator extemporaneus seu oratoriae breviarum bipartitum. Amsterdam, 1684. P. 192–194. Сравнение ряда изданий XVII века с отсылками Кондратовича показывает, что он пользовался именно этим изданием.

³³ Ср.: «Amicus est anima in duobus corporibus una, Arist. Apud Dion. Laert.», «Cui amicus abest, manus ei dextra et oculus abest. Petrarch.» и др.

³⁴ См.: *Radau M.* Orator extemporaneus. P. 206; РНБ, F.XIV.17, л. 92.

³⁵ Одно двустишие на тему из польской истории озаглавлено им «Cromer et Strikowskij» (РНБ, Q.XIV.16, л. 14 об.).

³⁶ См.: *Феофан Прокопович.* Сочинения. М.; Л., 1961. С. 353–356.